

Доктор Дэвид А. де Сильва , Послание к Евреям, сессия 7б, Послание к Евреям 7:1–8:13: Лучшее священство, лучший завет (часть 2)

© 2024 Дэвид де Сильва и Тед Хильдебрандт

В начале главы 8 автор продолжает свое изложение священнического служения Иисуса, ясно излагая ведущую идею или главный момент, цефалон, к которому клонилось предыдущее обсуждение. Главный момент относительно этих вещей, о которых здесь говорится, заключается в следующем. Мы имеем столь великого Первосвященника, Который воссел одесную престола величия на небесах и священнодействовал в святилищах и скинии истинной, которую воздвиг Господь, а не человек.

Автор здесь переориентирует аргумент, который с этого момента будет рассматривать детали лучшей священнической жертвы Иисуса в лучшем месте посредничества. Автор также снова подтверждает для слушателей их наслаждение великими преимуществами, которые описывает автор, и, таким образом, их основание для надежды и для продолжения инвестирования в свои предыдущие обязательства, чтобы продолжать искать Божьи благодеяния. Второй аспект особенно подпитывает практические увещевания, которые обрамляют центральный дискурс в главе 4, стихи 14-16, и главе 10, стихи 19-25, где автор продолжает поощрять слушателей сосредоточивать свое внимание и свою энергию центрированно друг на друге и на том центре, где можно найти Бога как место их надежды.

В начале главы 8 мы снова слышим Псалом 109, стих 1, в сочетании понятий о назначении Богом священником и сидении по правую руку от Бога. Автор, возможно, посчитал порядок этих событий в Псалме 109 важным. В Псалме 109, стих 1, Бог приглашает эту фигуру в небесные места, чтобы сесть по правую руку от Бога.

Чуть позже в четвертом стихе Бог назначает эту фигуру на новый чин священства. Автор Послания к Евреям читает этот псалом как намек на небесное священство, которое будет осуществляться с выгодной позиции правой стороны Божьего престола в невидимом царстве, а не в этом видимом материальном творении. Оно будет осуществляться в истинной скинии, которую воздвиг Господь, а не человек.

Другие тексты первых веков до н. э. и н. э. свидетельствуют о тенденции критиковать материальные земные храмы как второсортные святые места,

поскольку они построены руками человека. Мы находим это, например, ближе к концу речи Стефана в Деяниях, глава 7, или в процессе защитной речи Павла перед Ареопагом в Деяниях, глава 17. Автор Послания к Евреям, кажется, неявно вводит здесь эту тему критики, и он противопоставляет материальное человеческое происхождение любого земного святилища вечному божественно созданному происхождению небесного святилища, куда Иисус отправился служить как священник.

Сама природа этого места настолько превосходит любую земную скинию, насколько создатель этой небесной скинии превосходит строителей земных храмов. Таким образом, автор опирается на тенденцию думать о созданном человеком против созданного Богом, о видимом и земном против невидимого и небесного, чтобы подчеркнуть лучшее место, в котором Иисус осуществляет свое священство. Следующий стих представляет жертвы, которые приносятся этим лучшим священником в лучшем месте, тема, которая будет довольно подробно обсуждаться в главах 9 и 10.

Автор пишет, что каждый священник поставлен для принесения даров и жертв, по этой причине ему, то есть Иисусу, было необходимо иметь что-то для приношения. Определение роли и ответственности священника напоминает более раннее определение, данное в Евреям 5 стих 1. Главным занятием священников в предписаниях Торы, Пятикнижия и Пятикнижия Моисея является приношение жертв, так что для того, чтобы Иисус действовал как священник, ему также необходимо было иметь что-то для приношения. Автор раскрывает природу, основание и действенность этой жертвы позже.

Прямо сейчас он переходит к ответу на неявный вопрос. Если бы Иисус не был на небесах, мог ли бы он вообще быть священником? Итак, мы читаем в стихе 4, если бы он был на земле, он не был бы священником, поскольку уже есть те, кто приносит дары по закону. Это аргумент от противного в поддержку более раннего утверждения стихов 1 и 2 здесь, в главе 8, что мы, на самом деле, видим Иисуса как священника на небесах.

Напротив, если бы Иисус все еще был на земле, он бы не был священником. Здесь предполагается, что Иисус где-то священник, и если он не на земле, поскольку он не имеет права приносить те жертвы, которые предписывает Тора, он должен быть священником на небесах. Что касается обоснования, которое предлагает здесь автор, поскольку уже есть те, кто приносит дары согласно закону, автор снова опирается на тот факт, что Иисус был потомком Иуды, а не Левия.

Автор уже признал в главе 7, стихе 14, что Иисус стоял вне квалификации Торы для священства, основанной на генеалогическом происхождении от Левия, как они есть. Таким образом, мы видим, как часть этого аргумента развивается в

этом отрывке. Поскольку Иисус должен быть священником, как заявляет Псалом 110, стих 4, и поскольку он не может быть священником в земном святилище, регулируемом Торой, с ее собственными правилами для того, что квалифицирует священников, он, следовательно, является священником в небесном святилище, единственном другом святилище, законно связанном с единым Богом.

В ответ на заявление автора о священстве Иисуса в небесном святилище, мы вполне могли бы спросить, какое небесное святилище? Христиане двадцать первого века обычно не думают о географии небес, так сказать, в терминах храма с его собственными ритуалами и атрибутами. Но в века на рубеже эр было совсем не редкостью думать о небесах и месте, где Бог всецело обитает, как, по сути, отражение того, где Бог обитает на земле. Как далее пишет автор Послания к Евреям, те, кто приносит дары по закону, служат образцу и тени небесных вещей.

Как Моисей был предупрежден, когда он собирался завершить скинию, смотри, чтобы ты сделал все, сказал он, по образцу, показанному тебе на горе. Автор приводит здесь декламацию Исхода 25, стих 40, чтобы доказать как вторичную природу земного храма, который является всего лишь копией, так и существование первичного небесного храма, моделью которого является земной храм или скиния. Представление о небесном аналоге Иерусалимского храма или пустынной скинии было распространено в иудаизме эллинистической эпохи, как и обращение к толкованию Исхода 25 40 в поддержку этой веры.

В Первом Енохе, части Первого Еноха, которая датируется, возможно, концом третьего или началом второго века до нашей эры, мы находим автора, говорящего о двухкомнатном доме на небесах, с престолом Бога во второй комнате. Таким образом, планировка небесной обители Бога является явным отражением земного дома Бога с его двумя святыми местами, святым местом и еще более святым местом, где присутствие Бога особенно сосредоточено. Премудрость Соломона, эллинистический еврейский текст начала первого века нашей эры, также показывает преобладание этого мотива, поскольку его автор берет на себя роль Соломона.

Хвала Богу в главе 9, стихе 8, Ты сказал построить храм на святой горе Твоей и жертвенник в городе обитания Твоего, по образу святой скинии, которую Ты приготовил заранее от начала. Второй Варух, еврейский апокалипсис около 100 г. н. э., изображает Бога, утешающего Варуха относительно судьбы Иерусалима и его разрушения Навуходоносором, подтверждая реальность небесного Иерусалима с его храмом, то, что Бог показал Адаму и Моисею давным-давно, истинного храма, который не мог быть затронут языческими армиями. Книга

Откровения также содержит множество намеков на небесный храм, а также на его различную обстановку.

Автор Послания к Евреям также верил в существование этой скинии, этого храма в Божьем царстве, который был приготовлен с самого начала, так что он фактически является прототипом, как говорит сам проповедник в Послании к Евреям 8.5, антитипом которого является земная скиния, как скажет автор в главе 9, стихе 24. Это имитация, копия, тень. Теперь, когда мы сталкиваемся со словами, такими как копия и тень, мы можем естественным образом подумать о платоновских определениях реальности, согласно которым то, что реально, существует в сфере идей, сфере ментальных конструкций, тогда как физические представления здесь, в видимом мире, являются всего лишь копиями или моделями, вторичными представлениями этих идеальных или идеациональных типов.

Но автор Послания к евреям вряд ли был платоником. Он согласился бы, что невидимые реальности превосходят свои материальные имитации, но он прочно помещает эти убеждения в еврейскую космологию. То есть, он противопоставляет видимое и материальное не сфере идей, а вечной небесной сфере, которая в настоящее время невидима, но не всегда будет невидимой.

Он также помещает его во временные рамки в соответствии с иудео-христианским интересом к исторически разворачивающейся драме искупления и эсхатологии, что было бы совершенно чуждо мысли Платона. Теперь автор возвращается в этом месте в стихе 6 к своему тезису, используя новые слова, чтобы выразить ту же идею, что и в главе 8, стихах 1 и 2. Но теперь он получил соответственно более выдающееся служение, поскольку он является посредником лучшего завета, который был узаконен на основе лучших обетований. Служение Иисуса является следствием нового завета, который сам по себе является следствием лучших обетований.

Все это гарантируется клятвой Бога в отношении священства Иисуса и, в более широком смысле, нового завета, прикрепленного к нему. Это приведет автора к одному из самых ошеломляющих утверждений, которые он делает о Ветхом завете в ходе своей проповеди в оставшейся части главы 8. В Евреям 8 стихах с 7 по 13 автор теперь приводит библейские доказательства отмены Ветхого завета в пользу нового и более эффективного, цитируя Иеремию 31 стихи с 31 по 34. Этот текст Иеремии также дает указание на то, что это за лучшие обещания, тема, которую автор подробно разовьет в Евреям 9.1 по 10.18. То, что следует затем в Евреям 8:7 по 13, является подтверждением утверждения, которое автор сделал в стихе 6, что Иисус является посредником лучшего завета, основанного на лучших обещаниях.

В то же время он обеспечивает переход к следующему разделу аргументации. Автор подходит к своему чтению Иеремии с аргументом от противного. Он пишет, что если бы первый был безупречен, то не искали бы места для второго.

Затем он цитирует текст Иеремии, чтобы доказать, что сам Бог отменил первый завет как неэффективный, установив время, в которое он заключит новый завет, который будет эффективным и, следовательно, лучшим. И снова хронология Божьих оракулов оказывается значимой. Говоря через Иеремию, после столетий работы левитского священства по предписаниям Торы, Бог рассматривается как отменяющий существующий завет в пользу того, который он заключит со своим народом в ближайшем будущем.

Продолжая, автор, для того, чтобы придраться к ним, он говорит: вот, наступают дни, говорит Господь, и Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды новый завет, не такой завет, какой Я заключил с их предками в тот день, когда взял их за руку, чтобы вывести их из земли Египетской, потому что они не пребыли в Моем завете, и Я перестал заботиться о них, говорит Господь. Эта первая часть декламации представляет собой Божье порицание тех, кто не выполнил первый завет с превосходством. Придираясь к ним, он говорит: они не пребыли в Моем завете, и поэтому Я не позаботился о них, говорит Господь.

Автор, возможно, хотел, чтобы его слушатели вспомнили конкретно пример поколения, которое Бог вывел из Египта за руку, но которое восстало против Бога и в конечном итоге погибло в пустыне, пример, который проповедник уже довольно подробно развил в Евреям 3:7 по 4:11. Вторая половина чтения текста из Иеремии дает текст лучших обетований. Это завет, который Я заключу с домом Израилевым после тех дней, говорит Господь.

Вложив законы Мои в их разум, Я напишу их на сердцах их, и буду им Богом, а они будут Мне народом, и не будет учить каждый своего сограждан, и каждый своего брата или сестру, говоря: познай Господа, ибо все они, от малого до большого, будут знать Меня, потому что Я буду милостив к их проступкам и грехам. Я, конечно, больше ничего не вспомню. Эта часть текста Иеремии говорит прежде всего об усвоении заповедей Божьих, внутреннем знании и обязательстве жить в соответствии с законами Божьими.

Автор не комментирует этот стих в последующем изложении, но он явно переключается с его интересом на протяжении всей проповеди к верующим, живущим так, чтобы угождать Богу и избегать того, что Бог ненавидит, сосредоточивая свои сердца на Боге и на Божьем благоволении в верном доверии и соблюдая Божьи заповеди к ним, живя любовью к ближнему, которая лежит в основе закона Божьего. Одна строка в этом отрывке, прочитанная из Иеремии, и каждый, конечно, больше не будет учить своего сограждан или ближнего, говорящая: познай Господа, может показаться на

первый взгляд противоречащей увещанию автора в Евреям 5, стихи 11-14, где автор явно призывает верующих учить друг друга. Однако там автор имеет в виду необходимость продолжать укреплять мировоззрение и этос христианской культуры друг для друга, о чем он призывает на протяжении всей проповеди.

Однако в более глубоком смысле автор утверждает, что все члены общины пришли к близкому познанию Господа через опыт Святого Духа, о котором он говорит как в главе 2, стихах 3 и 4, так и в главе 6, стихах 4 и 5. Им нужно только увещать друг друга быть верными полученному ими знанию Бога. Последний куплет из Иеремии 31-34 звучит так: Я буду милостив к их проступкам и грехам, Я, конечно, больше не вспомню. Это становится решающим моментом для последующего аргумента.

Действительно, эти стихи снова появятся в Евреям, глава 10, стих 17, как заключение, к которому ведет все Евреям 9, 1 по 10, 18. Решительное устранение этих грехов, которые делают совесть нечистой, означало бы, что поклоняющиеся могли бы приближаться к Святому Богу в полном ожидании благосклонности и помощи, а не в ожидании того, что Божья святость защитит себя от осквернения, сжигая нечистого захватчика. Автор продолжит в последующих главах, чтобы развить то, как жертва Иисуса и приношение Его крови в послушании Богу влияют на это решительное очищение от греха и делают возможным личный доступ между Богом и клиентами Иисуса, в разительном контрасте с ограничениями, установленными для доступа к Богу в Ветхом Завете.

Автор завершает этот раздел следующим спорным утверждением. Говоря «новый», он делает первое старым, а то, что стареет и устаревает, близко к исчезновению. Автор здесь извлекает смысл из текста, в частности, из использования Иеремией прилагательного «новый» для описания завета, который должен был заключить Бог.

Называя второй завет новым, автор рассуждает о том, что первый завет является старым, что несет в себе вторичное значение аннулирования, поскольку завет не просто устарел, но Бог сделал его устаревшим. Автор добавляет дополнительный вывод относительно того, что значит устаревать и стареть. Это означает, что что-то находится на пути к исчезновению из этой реальности.

Таким образом, автор прикрепляет Ветхий Завет к материальному, видимому творению, которое уходит, и представляет отношения, которые выкованы между людьми и Богом через Иисуса, как заветные реляционные узы, которые будут длиться, еще раз усиливая ценность сохранения этих отношений для адресатов, некоторые из которых могут поддаваться искушению отпустить их. Автор продвигал свои пастырские цели для своих слушателей несколькими

способами в главах семь и восемь. Во-первых, он продолжает внушать слушателям несравненную честь Иисуса, здесь посредством установления того, что место Иисуса в Божьем порядке космоса стоит намного выше и за пределами места священников, облеченных честью служить Богу в Божьей земной скинии и храме.

Линия Аарона и более широкая линия Левия действительно почитаются в священной истории Бога, но Иисус и его священнический чин стоят на уровень выше их. Автор также установил, на основе авторитета Священного Писания, реальность невидимых вещей, о которых он говорит. Он говорит о поставлении Иисуса первосвященником по чину Мелхиседека в небесном храме, видимый храм в Иерусалиме является лишь моделью.

Это всего лишь еще один способ, которым автор пытается заставить слушателей представить и визуализировать невидимое, нематериальное царство Бога как нечто столь же реальное, например, с такой же реальной географией и архитектурой, как все, что они видят высеченным из мрамора и известняка вокруг себя в своих городах. Царство Бога так же реально. Он также продемонстрировал, через обращение к Иеремии, божественное решение отложить первый завет вместе с его должным образом назначенным и упорядоченным священством в пользу этого нового завета с его новым священником.

Это, по общему признанию, весьма спорное утверждение, не потому, что автор Послания к евреям неявно представлял свою позицию, а скорее из-за огромного теологического сдвига, который произошел в нашем контексте после Холокоста. Перед лицом ужасов, к которым привел антисемитизм, многие теологи начали продвигать теологию двух заветов, согласно которой завет Моисея оставался путем для еврейского народа, а новый завет был путем для неевреев, и каждый из них был одинаково действителен и действителен в глазах Бога. Хотя это стало заметным образом мышления в конце 20-го и начале 21-го века, это не было точкой зрения автора Послания к евреям, и это не было точкой зрения Павла, как часто утверждается, который был настолько огорчен неспособностью своего собственного народа принять своего Мессию, что он мог бы пожелать себе быть проклятым и отрезанным от Бога, если бы это изменило эту тенденцию.

Все эти пункты вместе служат главной цели автора — укрепить для своих слушателей ценность Иисуса и ценность сохранения связи с этим Иисусом, а не позволять своей аудитории думать, что им как-то невыгодно продолжать ассоциироваться с Иисусом из-за давления, которое оказывали на них их соседи, и из-за того, что они потеряли в результате враждебности своих соседей. В Иисусе они имеют священника более выдающейся священнической линии, того, чья священническая работа подкреплена божественной клятвой, гарантирующей ее постоянную действительность, священника, который

обладает лучшими квалификациями как надежный посредник, который никогда не умрет, который не подвержен греху и, таким образом, не отчуждает само божество, благосклонность которого он также должен посредничать, священника, который выполняет свою работу в высшем месте, вечном царстве Бога, в истинном святой святых за пределами творения, и священника, который посредничает в лучшем завете, включающем решительное устранение вины и привнесение сокровенного знания Бога и Божьих требований. Обращаясь к Мелхиседеку в Бытие 14, к предписаниям Моисея о служении Богу в скинии и Его служителям в Торе, к пророчествам Бога, сказанным через Давида, а затем через Иеремию, автор также дает слушателям новый взгляд на их ситуацию, который также призван способствовать настойчивости.

Если они посмотрят только на направление, которое приняла их жизнь за последние пять лет или 10 лет, или, может быть, 20 лет с тех пор, как они обратились в христианскую веру, у них будет довольно смутное представление о траектории, которую приняла их ситуация. Дела стали скорее хуже, чем лучше, но если они примут эту более длительную точку зрения, которую автор излагает с точки зрения обращения Бога с человечеством, чтобы сформировать народ для себя, они окажутся в точке замечательной привилегии, поскольку Бог теперь осуществил лучшие вещи, которые Бог готовил после провала прежних вещей. Вещи, на которые, как говорят, смотрел царь Давид, вещи, о которых пророк Иеремия мог говорить только заранее.

Итак, с этой точки зрения, их место в истории на самом деле завидное, а вовсе не невыгодное, как их соседи могли бы попытаться заставить их думать. И снова слово Евреям продолжает бросать нам вызов и в нашей ситуации. Та же историческая перспектива спасения, которую автор предлагает своей аудитории о доступе к Богу, которым они наслаждаются, должна также предостеречь нас, живущих через два тысячелетия после смерти Христа, не принимать этот доступ как должное.

То, что было достигнуто во Христе для приближения человечества к божественному, было чем-то вроде невероятного момента, который изменил то, как люди реагировали и были квалифицированы для приближения к Богу в конечном итоге. Христианское поклонение, представляющее перед всемогущим, является, таким образом, не рутинной, не обязанностью, которая съедает наши воскресенья, а удивительной привилегией. Уверенность, данная христианину, не только в том, что он может приблизиться к Богу в поклонении и молитве в любое время, но и в том, что он будет квалифицирован войти в присутствие Бога, будь то после смерти или во время второго пришествия Христа, является преимуществом, которое было немыслимо для кого-либо в период до Иисуса.

Автор, таким образом, бросает нам вызов, чтобы мы сохранили привилегию, которую Иисус завоевал для нас, живой в наших умах, как будто это

действительно было новым и свежим для нас, а не чем-то, что было два тысячелетия назад. На протяжении всего этого раздела и особенно в главе 8 автор напоминает нам, что материальное видимое творение имеет меньшую ценность и является менее надежной реальностью, чем то, что существует в вечном, невидимом царстве Бога. Это еще один момент, в котором автор хотел бы вывести нас из нашей приверженности эмпиризму и материализму, доверяя и заботясь больше о том, что мы можем видеть, чувствовать и слышать, а не о том, что остается за пределами наблюдения наших чувств.

Следование за Христом всем сердцем, а не разделение своего времени, энергии и инвестиций между Богом и мамой требует ухватиться за то, что автор излагает в начале и в конце своей проповеди. Видимый материальный мир ненадежен, в то время как Иисус — надежный фундамент, на котором можно построить по-настоящему безопасную жизнь. Награды этого мира могут казаться более реальными, чем шепот Божьих обещаний, но пока мы думаем и оцениваем вещи таким образом, нам будет не хватать единства сердца, которое дает ученичеству силу, целостность и радость.

Автор пытается помочь нам понять, что Божья клятва никогда не нарушится, что Божьи обетования исполнятся для верующих и что Иисус никогда не разочарует тех, кто полагается на Него; поэтому автор пытается помочь нам продолжать строить свою жизнь полностью вокруг этих обетований и на слове Иисуса.